

Античная трагедия в современном мире

ХАННА РУТЕР

МЕДУЗА

роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ханна Рутер

Медуза

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42185126

SelfPub; 2019

Аннотация

Они успешные и красивые. Им немного за тридцать. У них свой стартап или интернет-магазин, стильная страница в "инстаграм", отпуск по желанию и неиссякаемая жажда приключений. А что скрывается внутри? Путь наверх, он не всегда гладок. Сколько раз они поднимались и падали, продолжая улыбаться в безмолвный объектив. Они родились в СССР, выросли в "перестройку", выросли во времена гламура и шальных денег, и сейчас, передохнув от бессмысленной гонки, их душа стремится назад, покопаться в тайнах прошлого, найти настоящего себя и вытянуть его на свет. Эта история обо мне и о тебе. Эта история о всех нас. Содержит нецензурную брань.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	63
Глава 11	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Она приходила посидеть у моря почти каждое утро, если не было дождя. Маленький каменистый пирс в стороне от небольшого курортного посёлка. Частные лодочки рыбаков, крохотные яхты и прогулочные катерки, мерно покачивающиеся с одной стороны, и голые неприветливые камни, под которыми плескалось прозрачное Эгейское море, с другой. Всего две скамьи на пирсе. Одна, её любимая, смотрела в открытое море, слева скалы, основание которых время от времени облизывали пенистые волны, с силой вышвыриваемые на берег беспокойным Эге.

Когда ближе к полудню солнце разогревало деревянные доски скамьи, от лодок начинало тянуть рыбным духом. Запах дурманил деловитых деревенских котов, которым до всего было дело, и они выходили, гонимые голодным любопытством, на пирс греться на солнце, жмуря глаза от ярких лучей и сонной лени. Рыбные кости, хвосты, требуха и даже сочившиеся сладким жиром головы нередко перепадали котам – вдоль дороги, проходящей рядом с морем, по обе стороны от пирса тянулись сплошь рыбные рестораны, летом забитые любителями сочетаний странных закусок в маленьких тарел-

лочках, острых, пряных, солёных, с ароматной мутноватой, разбавленной в нужных пропорциях с горной водой, раки; а сейчас, поздней осенью, рестораны либо уже закрылись на зимний сезон, либо открывали свои двери для редких зимующих гурманов ближе к вечеру.

С её части пирса от моря тянуло лёгким устричным ароматом. Вода была чистая и прозрачная, над каменистым дном, пересечённым кое-где колышущимися мочалками зелёных водорослей, висели полупрозрачные еле заметные рыбы. Вечно голодные, они атакуют голые ноги купающихся и больно кусают в местах, где остались порезы травой или ранки от укусов комаров. Подвергнувшись атаке этих любителей плоти три месяца назад в тихой милой бухте в ста пятидесяти километрах отсюда, она с опаской относилась к любому предложению поплавать и придирчиво осматривала свои конечности перед заходом в воду.

Чуть подальше в море спускалась старая лестница для купальщиков. Проржавевшие, заросшие водорослями ступени и рыжие, в заплатках расплавленного сваркой металла, перила. Она никогда не видела, чтобы с этой стороны пирса кто-то заходил в воду по этой лестнице, хотя здесь не швартовались судёнышки, купальщики, пользовались другими, с противоположной стороны, плавая в двух метрах от лодок, которые время от времени заводились загорелыми матросами и уплывали в неизвестном направлении.

****

Она смотрела на металлическую лестницу и вспомнила, как в детстве они спускались почти по таким же ступеням купаться в городское озеро – озерцо, запруду, любимое и практически единственное летнее развлечение в их маленьком индустриальном городке. Спуск по ступеням ей никогда не нравился. Пока ты медленно опускаешь разгорячённое солнцем тело в холодную воду, постепенно привыкая к поднимающемуся по трусикам ледяному холоду, щекочущему бедра и низ живота, какая-то массивная тётка в выцветшем купальнике уже наступает своими испещрёнными серыми трещинами плоскими ступнями, поджимая скукоженные пальцы, на твои руки, хватающиеся за скользкие, поросшие тиной ступени. А снизу уже подпирают, спешащие на берег, весело переговаривающиеся мужики. И вот ты уже хватаешь побольше воздуха в лёгкие, чтобы сдержать вскрик и погружаешься в холодную тёмную воду, кишашую у берега человеческими телами, а твои ноги касаются склизкого песка. Она ещё не умела плавать, просто ходила вдоль берега, разводя руками перед собой, как это делают пловцы, и подкидывая пятки назад, чтобы они попеременно выглядывали из воды. Она представляла, как со стороны кажется, что она плывёт.

Однажды «проплывая» таким образом вдоль скользкого берега, поросшего острой травой, она наступила на стекло. В мутной воде не было видно ничего, поэтому ей показалось, что она наступила на розочку от разбитой бутылки, и десятки острых осколков впились в мякоть подушечки под

большим пальцем. Мозг получал сигналы от внезапного ранения в темноте и трансформировал их по-своему. Когда ты чувствуешь боль и не видишь что происходит, воображение рисует ужасные кровавые картины. Ей казалось, что подушечку срезало, или она болтается на тонком лоскутке кожи, по крайней мере, наступить на мысок правой ноги она не могла. Допрыгав до лестницы и растолкав копошащихся детей, она на одних руках влетела на берег и, сев на траву, стала рассматривать ступню. Подушечка была на месте, она не болталась, но порез был глубоким. Позже они доберутся до дома, промоют и продезинфицируют рану, а на следующий день хирург наложит несколько стежков, на этот процесс она предпочтёт не смотреть. Даже представлять, как твою плоть, хотя уже и частично омертвевшую, протыкают иглой и сшивают, как два куска ткани, омерзительно и тошнотворно.

Через двадцать пять лет она вспомнит этот эпизод на больничной койке в Куала-Лумпуре, умоляя медсестру: «No stitching. Please, no stitching». Медсестра, не желающая брать на себя ответственности, скажет, что решать будет доктор. Через десять минут пожилая доктор, говорящая на хорошем английском, объяснит, что это будут жидкие нити, проще говоря, клей, склеивающий два края раны на голове, идеально рассечённой ребром стеклянной двери отельной ванной комнаты тридцать минут назад.

После истории со стеклом она никогда не любила купаться в речках, озёрах и прочих сомнительных водохранилищах,

где не видно дна, и каждый раз ты рискуешь наступить в противный, порой по щиколотку, кишачий неизвестностью, мягкий водяной мох, хотя родители, да и друзья, очень любили такие вылазки на ближайšie к дачам водоёмчики, с радостью залетали в первый попавшийся, поскользнулись на склизкой тине и со смехом скатывались в мутные воды, ныряли или плавали наперегонки до другого берега, а затем приставали к ней с расспросами, почему ей невесело, она не купается, плескались у неё под носом и брызгали в лицо или пытались затащить её в воду, выворачивая худую руку из плечевого сустава, не обращая внимания на её упрямое сопротивление.

Глава 2

В начале октября на пирс ещё приходили купальщики. Редкие женщины за сорок, ещё более редкие мужчины за шестьдесят. Это были не праздные отдыхающие, раскладывающие подстилки, выстраивающие батарею солнцезащитных средств от известных французских и немецких брендов, и вынимающие из пляжной сумки потрёпанный томик в мягкой обложке. Женщины за сорок и мужчины за шестьдесят приходили с конкретной целью. Они аккуратно вывешивали полотенце скамейку, чтобы быстро перехватить его, выскользнув из прохладных морских объятий, переобувались в резиновые тапочки для купания, перекидывали купальные халатики через перила второй лестники и решительно спускались в море. Они плавали с такими целеустремлёнными лицами, как будто готовились к триатлону, а не наслаждались процессом. Зато после купания они расслаблялись и, растеревшись полотенцем, садились на смотрящую внутрь бухты скамейку, подставляя свои лица утреннему солнцу, переговаривались, курили или просто бесцельно поглядывали на парнишек-рыбаков, присевших на корточках чуть подалеже со своими самодельными удочками.

Она смотрела на *свою* часть моря, свободную от купальщиков и погружалась медленно и целеустремлённо в воспоминания, как пловцы в воду.

****

А вы помните, как вас обнимала мама, когда вы были маленькими. Как смеялась с вами заразительным смехом, гладила и перебирала ваши мягкие, цвета перезревшей пшеницы волосы, целовала нежную кожу, покрытую едва различимым пушком, называла вас самым любимым ребёнком на свете, обнимала вас, перед тем как отпустить на прогулку так, словно обнимает всю вселенную, и долго сидела с вами перед сном, разглаживая почти высушенные полотенцем кудряшки, распространяющие тонкий запах травяного шампуня. Вы помните? А она не помнила. Потому что этого не было. Мама была, а любви не было. Ей всегда казалось, что они с родителями разные люди, что они встретились случайно, как незнакомые попутчики в поезде. Встретились и поехали дальше вместе, по бесконечной унылой зимней дороге, когда часами не меняется пейзаж за окном, и только голые стволы деревьев, как изреженная покосившаяся изгородь, мелькают время от времени, постепенно сжираемые ранними сумерками, уступающими дорогу наползающей на железнодорожное полотно темноте длинной зимней ночи.

Она смотрит на фотографии в семейном альбоме и пытается вытянуть воспоминания, счастливые или эмоциональные поездки, запечатлённые на этих черно-белых, а иногда уже и цветных фото. И они не приходят. Говорят, что наш мозг умеет обманывать нас, подкладывая ложные воспоминания. Так, посмотрев на детские фото, услышав рассказы

наших родителей про наши детские проделки, мозг скомбинирует воспоминание и оно будет нашим, мы вырастем, будем показывать это фото возлюбленным, рассказывая, как через две секунды после снимка мы упали с этих самых качелей и заполучили на всю жизнь шрам над верхней губой, или как обезьянка с курортного фото перед снимком довела нас до истерики, и родители смогли успокоить только пообещав два круга на карусели в ближайшем парке аттракционов.

Но её мозг прячет весёлые и радостные моменты где-то глубоко, надёжно укутав грустными, мрачными и даже болезненными воспоминаниями. Почему они, люди, улыбающиеся с толстых картонных страниц фотоальбомов, так меня её любили. Зачем завели ребёнка, если не были готовы отдать ему всю вселенную своей любви. Просто потому что все вокруг носились со своими детьми? Или потому что бабушка, живущая за две тысячи километров, с которой они общались только посредством писем, редких открыток и ещё более редких фанерных ящичков, набитых завёрнутыми в жёсткую бумагу сушёными грибами, лесной земляникой и шершавыми, покрытыми пудрой какао, карамельными подушечками, просила сделать ей внуков перед смертью, которая должна была «вот-вот уже прийти за ней»?

Сейчас тебя уже никто не осуждает, если ты говоришь, что пока не хочешь, или не готов завести ребёнка. Молодые мамы с грустью пожимают плечами и всё же соглашаются, что да, для ребёнка нужен большой запас терпения, мораль-

ная готовность, что не всегда будут длиться эти моменты эйфории и гормональные всплески, а бабушки уже с меньшим энтузиазмом выпрашивают внуков и, раскусив всю полноту жизни на пенсии, они предпочитают проводить время в попытках привить тропическим цветам, чьи предки никогда не видели снега, привычку зимовать пять месяцев в году и цвести от силы двадцать дней, или, получив двухлетний шенген с щедрого плеча итальянских или испанских консулов, они садятся в гружённые палатками, газовой горелкой и батареями тушёнки немецко-японские внедорожники местной сборки и едут в ностальгический поход по европеизировавшимся прибалтийским странам или отсечённым капиталистическим мечом от ядра бывшим югославским республикам, сползающим по Адриатике из голенища итальянского сапога.

Глава 3

Ночью прошёл дождь. Короткий ливень – предвестник длинных, затянувшихся на недели осенних дождей, пробуждающих к жизни выжженные летним солнцем, жёлтые, с зелёными пятнами оливковых деревьев и буйно растущих колючек, холмы и горные склоны. Скамейка была влажной, солнце ещё не успело добраться до мокрого дерева и подготовить его для утренней гостыи. Она прошла на другой конец пирса, посмотрела, на воду, шлёпающую камни и с подсыывающими звуками отступающую, и задумчиво развернулась в сторону берега. Её внимание привлёк какой-то мужчина, отбивающий мокрую тряпку о поднимающиеся вертикально от пляжа скалы. Когда она проходила мимо, он полоскал тряпку в своих пластиковых вёдрах, разложившись на песке, и она его не заметила. Но сейчас он так увлечённо шлёпал куском клетчатой материи о камни, что напомнил ей виденных неоднократно индусов из касты неприкасаемых Дхоби-Прачек, перемывающих тонны дешёвого тряпья из отелей, больниц, борделей, храмов, домохозяйств, муниципальных заведений, прилегающих к трущобам, в которых они работали. В огромных чанах с мутной, похожей на разбавленное молоко, водой, плавали словно большие цветные рыбины, простыни, покрывала, шторы, сари, платки, рабочие штаны и рубашки, нижнее бельё и прочие сложно опо-

знаваемые тряпки. А неподалёку десятки полуголых смуглых мужчин с силой опускали кусок влажной ткани на мокрые камни. Хлюп! Хлюп! – гудела эта часть трущоб. И по всем дорогам, убегающим прочь в разные стороны от деревни прачек, растекались реки молочного цвета, чуть дальше белые ручьи вливались в чёрные вонючие речонки канализации и толкали полусгнившие кучки органических отходов, прочищая себе путь в бесконечную паутину местной канализации.

Шлёп! Шлёп! – звонко хлопал мужчина своей тряпкой о скалу. А потом пришли другие воспоминания, отнюдь не индийские.

****

Воспоминания о том, как часто отец хватался за ремень. Её лупили чаще чем брата. Порка была делом само собой разумеющимся в их семье. Отец не воспринимал никаких мольб о пощаде, если он решил пороть, ничто не могло отвлечь его от этого процесса. Не существовало такой силы, способной переубедить его. Её аргументы не работали, он их даже не слушал. На вопрос, почему только так нужно наказывать, почему не поговорить и объяснить, что так сильно его расстроило, или просто заставить сделать какую-то работу по дому, у него был только один аргумент. «Отец порол нас с братом, и ничего – выросли же. Значит, и тебе не помешает. Здоровее будешь» – приговаривал он после экзекуции, когда она, растирая слёзы, катившиеся без остановки по

щекам и подогреваемые обидой и стыдом, жаловалась ему и маме на боль.

Ей говорили, что её порют за ложь. Да, иногда она рассказывала одноклассникам и воспитательницам в детском саду выдуманные истории, например, она с лёгкостью могла придумать родителям новые профессии, а ей самой совершенно другую жизнь, другое прошлое, другое настоящее. Она рассказывала про невероятные путешествия всей семьёй, которых не было, про своих домашних питомцев, которых ей не разрешали заводить в маленькой однокомнатной квартирке, про дорогие игрушки, которыми она могла играть только дома, потому что в детский сад приносить их запрещали. А простодушная воспитательница вечером пересказывала с возмущённым негодованием все фантазии родителям, и те обещали поговорить с маленькой «лгуньей». Разговоры легко сводились к «перевоспитанию» ремнём. Но разве можно пороть ребёнка за то, что у него неординарная фантазия! Дайте ему развить её, не поощряйте, но направьте в нужное русло.

Иногда пороли за правду, просто, правда была слишком похожа на ложь. И она быстро усвоила, что в этом мире лучше помалкивать, если с тобой произошло что-то выдающееся. Наверное, именно тогда они, отец и мама, упустили ту нить доверия, связывающую родителей и детей, такую тонкую и уязвимую. Она просто перерезала её без сожаления, не оставив никакого шанса им найти путь в её наглухо зашто-

ренную душу.

Когда из штангин доставали ремень, она не упускала из виду его пряжку. Только не пряжкой, молила она про себя, тихо поскуливая. Но в порыве гнева отец не смотрел, какой конец ремня болтался без дела, свисая из сжатого спазмом ярости кулака, а какой, со свистом рассекая воздух, опускался на мягкие места, оставляя косые красные полосы на белой нежной коже. Если хватка была не слишком сильной, ей удавалось извиваться в разные стороны под звуки свистящей кожи, и тогда удары ложились на бёдра, поясницу, позвоночник или руки. А однажды он колотил её так остервенело, что пряжка отлетела. Эзекуция была закончена. О, слава китайский криворуким рабочим на производящих ремни фабриках!

Однажды, это было в деревни у бабушки с дедушкой, она каталась на велосипедах с друзьями. Какой ребёнок не любит быстро проехать по свежим грязным лужам, обрызгивая отпрыгивающих в стороны, как ошпаренных, уличных котов и любопытных куриц, выклёвывающих невидимые зёрна в придорожной траве. Прокатившись через все лужи, изрядно попугав греющих на солнце то тут, то там стайки уток и гусей, они разошлись по домам ужинать. Она вошла в тёплый, в пахнувший деревом и торчащей из сруба паклей двор, и столкнулась со злым взглядом отца, сверлящим её ноги. Тряпочные кеды на резиновой подошве, белые гольфики с голубой волнистой окантовкой, сползшие гармошкой до щи-

колоток, ноги до колен – всё было покрыто жирными, чёрными грязевыми брызгами. «Ой, папочка, я не заметила, как меня обрызгали мальчишки. Мы на велосипедах катались» – начала было она объяснять. Но он не слушал, в тот вечер он лупил её конским кнутом, который стянул здесь же, во дворе, со вбитого в деревянную раму гвоздя.

Чем меньше площадь соприкосновения с телом, тем больнее. Тонкий хлыст с протяжным свистом разрезал воздух, встречал сопротивление детского тела и, обжигая кожу, возвращался в небо, чтобы зайти на следующий круг. Повезло, когда тебя лупят зимой – ты в тёплых штанах с начёсом, а под ними ещё и колготки с тем же начёсом, ну и плотные трусы; терпимо, когда тебя лупят весной или осенью – штаны уже тонкие, но они есть, а вот летом, когда у тебя ноги голые, ты стараешься просто быстро-быстро ими перебирать, как гарцующая лошадь, чтобы получить как можно меньше точек соприкосновения хлыста с кожей, обтягивающей костлявые ноги.

Мама в экзекуциях практически не участвовала. Она только грозила «взяться за ремень», но всю грязную работу оставляла отцу. Однажды в её волосах запутался отвратительный липкий комок жевательной резинки. Как он туда попал – возможно, кто-то кинул в школе, а, может, ещё каким-то неведомым путём. В то время жвачки, наклепанные на батареи, были настоящим бичом школ. Несколько раз за зиму она приносила на школьной юбке похожие на бе-

лые нитки кляксы разогретой и вцепившейся в ткань жвачки, и они испробовали все, рекомендуемые журналом «Веста», способы избавления. Но вынуть жвачку из волос не так уж легко, особенно, когда ты, не зная о её наличии, походил с ней полдня, полежал с книжкой на диване, и вот уже она взяла в заложники большой пучок волос на затылке, и чем больше ты пытаешься его распутать, тем больше волос впечатывается в отвратительную, мягкую, кем-то жёванную белую массу. Разозлившись на дебилов одноклассников, обессилев от неравной борьбы, она срезала захваченные волосы, спрятала их в мусорное ведро, завернув предварительно в старые газеты, а торчащий клочок постаралась прикрыть соседними прядями. Получилось не очень. Когда мама вернулась с работы, она тут же заметила торчащие на затылке неровно отрезанные клоки.

Она била её пластиковой расчёской, попавшейся под руки, пока не сломалась ручка, и пластиковый овал, с одной стороны утыканный иголками, торчащими из резинового, подобного судутому мячу, основания, не отлетел в угол под массивный стул. Разозлившись на поломку: «Вот видишь, из-за тебя ещё и расчёска сломалась!» Она схватила резиновую скакалку, на которую дочь уже во время экзекуции расчёской смотрела с нескрываемым страхом – слишком глупо было бить расчёской, она практически не доставала до прикрытого одной рукой тела, а второй рукой она сдерживала руку мамы, чтобы она не смогла приблизиться слишком

близко. Но скакалка недолго свистела в воздухе. Мама быстро уставала от подобных экзекуций, да и силы у неё были не сравнимы с отцовскими, подстрекаемыми неведомым гневом палача-абыюзера, как пламя вырывающейся из глубины и пляшущей злым блеском в его зрачках, когда он брался за ремень.

Глава 4

Однажды её место на пирсе было занято двумя пожилыми, поседевшими мужчинами. Один загорелый, крупный, в шортах и поло «Томми Хилфигер» (местные мужчины, проживающие в спускающихся с гор прямо к каменистым пляжам виллах, после шестидесяти лет стремительно переоделись с ног до головы в этот американский бренд и навязчиво светили бело-синим логотипом), с размякшим лицом, на котором отпечаталась уверенность в себе и любовь к плотским развлечениям, он сидел в расслабленной позе, широко раскинув колени, и курил, второй, скромный седовласый миниатюрный старичок, похожий на тихого любителя крепких напитков, задумчиво смотрел на воду. Странная парочка. Завидев пришельцев, она уже было развернулась, чтобы уйти с пирса, но они, приняв её за осеннюю купальщицу, начали подзывать, уступая место на скамье. Дедушки разместились основательно – термосумки, раскладные стулья, обтянутые брезентом, какие-то кружки, плоски и пепельница. Подумав пять секунд, она развернулась и решила всё-таки не нарушать традицию хотя бы в окружении незнакомцев. Прикинув, что дедушки, должно быть, местные, она решила, что можно их расспросить о лучших рыбных магазинах в округе. Крупный представился Василием Петровичем, он, видимо, почувствовал, что иностранка не запомнит его за-

ковыристого местного имени (а она действительно никогда не запоминала с первого раза имена незнакомцев, тем более местные, особенно если не видела визитной карточки или бейджа), второй назвался, но имя тут же вылетело из её головы. Василий Петрович был очень рад появлению симпатичной молодой русской, расцвёл и распустил хвост. Он предложил поговорить на её языке, но она, наоборот, хотела практиковать местный, прекратив типичные туповатые расспросы «Как дила? Откуда ти?» и перешла к интересующим её вопросам.

Выяснив расположение лучших рыбных мест, а также песчаных пляжей на полуострове (в действительности, они не открыли ничего нового, и похоже, больше интересовались какими-то своими, мужскими развлечениями, а не пляжами), она быстро заскучала в обществе этих мужчин. Но Василий Петрович не скрывал своего интереса. Видимо, привыкший легко соблазнять молодых женщин своим статусом, он начал рассказывать истории из жизни. Безымянный, привыкший скрываться в тени властного друга, щурил глаза на море, и было непонятно, то ли он слышит эти истории уже в сотый раз, то ли посмеивается над бессовестным вруном. Василий Петрович рассказывал о своих друзьях из московского МИДа, показывал свои фото из норильских карьеров, которые посещал в девяностые, хвалился знакомством с местным губернатором, благо Facebook позволял выкладывать электронные доказательства. Она слушала его вполуха, отстав-

ные губернаторы-ворюги, поившие Василия Петровича водкой двадцать лет назад, и их золотые карьеры интересовали её меньше всего. В качестве подтверждения своих слов Василий Петрович продемонстрировал ей бутылку «Арарат 5 звёзд» с плескавшейся на дне коричневой жидкостью, уточнив, что этот подарок от друга из того самого МИДа, гостившего у него неделю назад. Она флегматично заметила, что коньяк армянского происхождения, а завод сейчас принадлежит французам, а патриотичный мидовский друг мог бы привезти и дагестанский.

Ветер гнал серые рваные тучи над морем, на вершинах гор, окружавших бухту, бесшумно вращались гигантские лопасти ветряков. Она поёжилась. Загорелые руки моментально покрылись мурашками, она испугалась, что Василий Петрович, заметив озноб, попытается погладить или потрогать её типо по-отечески, и начала собираться домой. Заметив её движение, он отметил, что они также засиделись, и предложил ей обменяться телефонами.

–Зачем? – холодно спросила она.

– Ты только недавно переехала. Если возникнут проблемы или нужна будет работа. Я здесь знаю всех, и меня все знают. Или, несчастный случай на дороге, авария, или ещё какая неприятность.

– Но у меня есть страховка. И ревнивый муж.

– Я не буду звонить и надоедать. Давай телефон.

– Я не беру с собой телефон.

– Тогда я дам тебе свою визитку. Ты позвонишь сама, если что-то случится. Просто назовёшь своё имя. Я тебя запомню.

Конечно, он её запомнит. Она медленно поднималась в горку и улыбалась сама себе – неужели она вошла в тот возраст, когда на неё начинают западать седовласые мужчины. В двадцать проскакивали пятидесятилетние поклонники, а в тридцать пять – семидесятилетние. Ну да, логично.

****

Она рано начала читать. Сначала это была старая советская азбука, с гимном СССР на одном форзаце и хороводом из пятнадцати счастливо улыбающихся ребятишек-октябрят, одетых в цветные национальные костюмчики, на втором. Быстро выучив буквы и слоги, она научилась собирать их в слова, а слова в предложения. Чуть позже пришло осознание смысла написанных слов, и чтение уже поглотило её. Но ещё раньше она начала учить стихи. «Муха Цокотуха», «Тараканище», «Вот такой рассеянный», «У меня зазвонил телефон», детские сказки с комичными животными и абсурдными персонажами быстро врезались в память, и она бойко повторяла незамысловатые стихи, умиляя взрослых. Когда родители ходили в гости к немногочисленным родственникам, те просили её рассказать стихотворение. Она, сначала смущаясь, отказывалась, но подталкиваемая отцом, со временем соглашалась. Иногда её просили встать в центре комнаты, иногда подсаживали к взрослым за стол, а особо уважаемым дядям даже сажали на колени. Дяди плотоядно

улыбались, показывая жёлтые прокуренные зубы, придерживали худые, сползающие с колен ноги, подтягивали на них колготки, а затем долго хвалили и целовали, царапая жёсткими, как обувная щётка, противно пахнущими папиросами без фильтра, чуть влажными усами.

Сейчас ей пришла в голову мысль, как много маленьких девочек подвергается в детстве такой разрешённой родителями педофилии в лёгкой форме. «Сядь на коленки к дяде», «Расскажи ему стишок», «Поцелуй дядю, он тебе конфетку даст». Да, дядя, может, и не чувствует к смущающейся маленькой девочке ничего, кроме глубокой отеческой симпатии, но каково малышке. С раннего детства самые близкие и уважаемые нами люди заставляют нас терпеть близость взрослых, неприятных нам мужчин или женщин. Странные усы, пахнущие крепким табаком, колючая борода, лёгкий аромат перегара, длинные жёсткие, как медная проволока, волосы, торчащие из ушей и огромных, грозно раздувающихся со свистом, покрытых рытвинами, ноздрей, большие пальцы с жёлтыми или чёрными ногтями – ко всему этому меньше всего готова нежная душа ребёнка.

В следующий раз, услышав, что нужно собираться к дяде Андрею или Зыкиным, у неё заболит живот или поднимется температура. А родители будут ходить вокруг и вздыхать – как же так, мы же вот только новый стишок выучили.

Глава 5

С детства её, как, впрочем, и многих девочек, преследовала сексуальная агрессия мужчин. Долгое время ей казалось, что никто, кроме неё, их не видит. Эдакие призраки, выходящие из кустов и оголяющие свои гениталии, завидев её, проходящую мимо парка, плотоядно улыбающиеся ей, подмигивающие и кивающие вниз, на мягкую бледную плоть, которую они зажимали и теребили двумя пальцами, и скрывающиеся в густой тени парков, когда мимо спешили по своим делам взрослые. Она не понимала, как этим мерзким, противным мужикам всё сходило с рук, как они могли остаться незамеченными.

Первый раз она увидела его лестничной клетке. Они вышли из лифта с мамой, вернувшись с прогулки. Пока мама вставляла ключ и открывала дверь, ведущую в тамбур, она почувствовала движение за спиной, как будто там встало большое тёмное животное, закрывающее свет, еле пробивающийся через матовое стекло балкона-сушилки. Этот балкон был её страшным кошмаром. Она предпочла бы отрезать свои длинные русые волосы, только не выходить на эти страшные балконы вечером.

Советские архитекторы-затейники предполагали, что на больших открытых общих балконах-лоджиях жильцы трёх стоящих в ряд четырнадцатипэтажек будут сушить свои вещи.

Поэтому перила были редкие и низкие, в стены были щедро вбиты крюки для верёвок, а с потолка спускалась чёрная чугунная пожарная лестница, упирающаяся в железный люк в полу, впрочем, увенчанная таким же люком сверху. Эти балконы были идеальны для игры в казаки-разбойники с ребятами. Если все люки были открыты, то можно было быстро перемещаться между этажами, стена, соединяющая балкон с лестничной клеткой, была выложена стеклянными полупрозрачными кирпичами, похожими на бутылочные донышки, которые проводили свет, но были совершенно непроницаемыми, и позволяли на таких балконах устраивать секретные собрания игроков, а также прятаться часами. Но с наступлением ночи, балконы становились зловещими, старые деревянные двери страшно скрипели от сквозняков, кто-то где-то грозно хлопал люком, на некоторых собирались подростки, курили, громко смеялись, вызывая праведный гнев жильцов прилегающих квартир, а на следующее утро дети находили пошлые рисунки, нацарапанные ключами надписи на стенах, битое стекло, красные капли на полу и чёрные кляксы от зажжённых спичек на потолке. Эти сушилки привлекали не только детей и подростков, но также различных психов, поэтому периодически с них скидывали котят, проверяя эмпирическим методом, сможет ли кошка приземлиться на четыре лапы, упав с высоты четырнадцатого этажа, а иногда, несчастные взрослые девушки шагали с них в пустоту, и никто не мог сказать, сами ли они делали последний шаг, или

с помощью невидимых рук.

Именно перед этим балконом сейчас стоял кто-то, обращающая её внимание на себя. Спинай она почувствовала его ухмылку, она обернулась – в ней не было злости или угрозы, она увидела сочетания дикого торжества и призыв-приглашение. Что-то странное было в его одежде, в жаркий летний вечер этот мужчина был одет в тёмную дублёнку, он не застегнул её, а внутренняя сторона была настолько мохнатой, что снизу и в центре всё тонуло в рыжей шерсти. Он раздвинул подол дублёнки, и она увидела что-то настолько ужасное и плохое, что парализовало её. Она не могла кричать или двинуться, или просто отвести взгляд от него, и этот человек приложил палец к губам и сделал без того бесполезный знак – молчи.

Пытка длилась несколько секунд. Мама уже открыла замок и вошла, не оборачиваясь, в тамбур, подозвав её. Голос мамы, такой реальный, вывел её из оцепенения и она, подгоняемая, инъекциями адреналина, забежала внутрь, захлопнув за собой дверь.

В квартире у неё началась истерика. Она заламывала руки и не могла понять, что только что произошло. Это было настолько неправильно, грязно, нереально, стыдно, странно, дико странно. Какая-то грозная сила в тот вечер показала себя, как будто дьявол приоткрыл дверь в ад, и жар обжёг её душу. Она начала молиться, повторять про себя слова, которым научила её бабушка, и которые не несли в себе для

ней никакого смысла, но удивительным образом успокаивали. Позже, придя в себя, она рассказала маме. Как ни странно, она поверила, и даже проверила этаж, но там уже никого не было. Дочь она успокоила, рассказав, что это был больной дядя, у него не всё в порядке с головой, но он абсолютно безобидный, и в следующий раз нужно немедленно говорить и показывать взрослым, чтобы они его отругали.

Позже она неоднократно замечала похожих на психов, прячущихся в кустах вдоль парков, мужчин, дёргающих свою безжизненную плоть. Но они были какими-то мелкими, не несли в себе зла, она отворачивалась от них и шла дальше. Но тот, плотоядный, хищный, держащий в руках не безжизненно бледный кусок кожи, а что-то большое и несущее реальную угрозу, приоткрывший ей окно в какую-то чёрную бездну, навсегда врезался в её память. Примерно такое же чувство прикосновения к чему-то очень грязному и злему она испытала, когда нашла на земле под большим кустом, растущим возле забора её школы, по периметру которой они бегали кроссы, белые девичьи трусы с пятнами цвета ржавчины.

****

Солнце начинало припекать голову, хотя холодный ветер заставлял поёживаться и прятать руки в карманы дутой безрукавки. Она улыбнулась от мысли, пришедшей за воспоминаниями. Действительно, мужчины порой, даже самые прогрессивные и современные, не понимают, почему мы их так

боимся. А ведь все эти онанисты в кустах, это только часть той грязной сущности, преследующей нас всю жизнь. Это сложно назвать насилием, ведь тебя, по сути, не трогают, но всю свою жизнь ты должна быть готова к тому, что мужчина сильнее, что вот он так просто может расстегнуть ширинку и вывалить её содержимое, что от любого из них может исходить потенциальная опасность. Нас ощупывают в транспорте, в переполненных вагонах трамваев или метро о нас трутся эрегированными пенисами, на эскалаторах под юбки просовывают мобильные телефоны или зеркала, и мы всегда должны быть готовы к этому. Садясь в транспорт вечером мы оцениваем обстановку в вагоне электричке или в автобусе. Мы не должны садиться в лифт с мужчинами, и она вспомнила, как в детстве выучила это правило, и долгими минутами ожидала, пока лифт, увёзший незнакомого мужчину на один из последних этажей, невыносимо медленно ползёт вниз, звеня цепями и расшатанными механизмами, время от времени замирая и не реагируя на нажатую чёрную кнопку с подпалёнными углами.

Мы также не можем пройти через тёмный осенний сквер или парк в одиночестве, нам приходится обходить любую плохо освещённую площадку, при этом оценивая каждого идущего навстречу мужчину, мы не можем даже просто сесть ночью в легальное такси, нам нужно сделать фото номера или скрин приложения с указанием контактов водителя и авто, и отправить их подруге, маме или мужу. Наша жизнь –

это постоянное ожидание агрессии и нападения со стороны мужчин.

При этом каждый мужчина, подпущенный женщиной к близости с ней, искренне не понимает, почему она не визжит от восторга и не бросается с жадностью на его член. Ребят, да нам их показывают с раннего детства, при этом демонстрируют свои достоинства отнюдь не красавцы, а отвратительные существа с мерзкими перекошенными от удовольствия лицами, выглядывающие из кустов или тёмных подъездов. Представьте, что всё ваше детство перед вами мастурбируют женщины. При этом отнюдь не красотки из «Пентхауса», встающие в соблазнительные позы, а обычные такие тётки из очереди в районную поликлинику. И вот уже одна из них, расстегнув джинсы и засунув руку в трусы, начинает судорожно дергаться, обнажая белокожий, покрытый мелкими чёрными кудряшками лобок, а другая прижалась к вам в тесном вагоне трамвая, подперев грудью подбородок, не давая возможности ни закричать, ни вдохнуть нормально, незаметно ощупывает ваши яички. Думаю, мальчик, неоднократно испытывавший на себе такое в детстве, навсегда останется травмированным психически, и мы услышим о нём либо в новостях о поимке очередного серийного маньяка, с ненавистью расчленяющего женщин, либо совершающим ещё один каминг-аут о своей ориентации. А вот представьте мир, который населяет хотя бы треть мужчин, переживших в детстве сексуальную агрессию женщин....

А затем нас учат нравиться мужчинам, которые нам неприятны. Если мы молоды и привлекательны, нам проще в жизни, говорят они. А ведь мы даже права поменять нормально не можем, не услышав колкостей или сальностей в свой адрес, нам скажут, что за наши красивые глаза у нас приняли декларацию в налоговой, что за ужин или номер телефона нам заверят нужную бумажку. А во многих офисах, чтобы получить подпись начальника, необходимо прийти к нему в кабинет, где придётся выложить весь свой арсенал женских «премудростей» – посмеяться, польстить, пофлиртовать, сделать комплимент упивающемуся своей властью царьку-самодуру. А ведь порой эти псевдоловеласы даже не представляют насколько они нам отвратительны со своими потными подмышками, толстыми пальчиками, обрюзгшими от долгого сидения и неумеренного возлияния подбородками и противными волосатыми бородавками, блуждающими по их итак неприятным лицам.

****

Однажды, перед началом школы, когда ей было лет семь, они играли с двумя друзьями мальчиками, Мишей и Петькой, на чёрных лестницах её четырнадцатизэтажки. То ли им было скучно, из-за того, что компания была слишком маленькая, и начать масштабную игру с догонялками, пленом и секретными паролями они не могли, то ли кружок подобрался слишком близкий и можно было доверить друг другу сокровенные тайны, зная, что никто больше о них не узна-

ет. И они договорились показать друг другу самые интимные места, здесь и сейчас, на проходном балконе, на счёт «раз два три», все вместе одновременно. Действительно, на счёт «три» ребята стянули на секунду шорты и трусики, и их бело-снежные, слегка сморщенные, похожие на причудливые лесные грибы «писюны» несколько её не удивили, они практически ничем не отличались от такого же у её младшего брата, с которым они иногда принимали ванну. Разочарованно она даже отвернулась, сказав, что ничего не успела увидеть. Свои трусики она, естественно, не стянула, и рассказывать об их поступке она никому не стала, да и не о чем было рассказывать.

Глава 6

Иногда на пирс приходили школьники из ближайшей средней школы. На переменах они, обычные активные дети, носились по школьному двору, и тогда в бухте висел, как густое облако, стройный гул детских голосов. Иногда ей казалось, что дети совсем не сидят за партами, а бесконечно занимаются гимнастикой или гоняют во дворе мяч – то ли перемены длились так долго, то ли энергия из активных деревенских детей была ключом на уроках физкультуры, то ли этой физкультуры было больше, чем математики и родного языка вместе взятых.

Мальчишки, приходившие на пирс, обычно грызли семечки или кукурузные палочки, громко спорили, пинали пустые бутылки, выброшенные ночью морем, которое упорно избавлялось от пришлого мусора, кидали камни в воду или вставали за спиной одиноких рыбаков с удочками и перебрасывались парой слов.

Девочки приходили маленькими группками по три-четыре человека, вели друг-друга под руку и нашёптывали на ушко секретки. Они подходили к уходившей в море железной лестнице, вдумчиво смотрели на воду, опершись одной ногой о валуны или раскачивая стальные перила, которые уже начинали жалобно поскрипывать, ели конфеты и возвращались обратно в школу.

Деревенские дети были худыми, шустрými, загорелыми и играли вместе, девчонки с мальчишками, их игры были невинны и наивны; однажды она видела, как соседская девочка лет семи накинула на мальчика-сверстника верёвку и водила его на привязи, как бычка, за собой в поисках крепкого дерева, к которому его можно было привязать. С возрастом дети всё больше отдалялись друг от друга; мальчишки вытягивались, но оставались такими же худыми и смуглыми, девочки же начинали набирать вес, некоторые наливались в бёдрах и груди, кто-то просто рос вширь, они избегали солнца и подвижных игр, отращивали длинные волосы и почти всегда носили их распущенными, с напускнуой печалью на лице они сидели на школьной изгороди, уткнувшись в телефон, или задумчиво ласкали котёнка на коленях. Мечтали ли они уехать из этой «дыры» в столицу, вздыхали ли по симпатичному мальчику постарше или просто старались примерять как можно быстрее маску девушки, отпустившей беззаботное детство с его весёлыми, шумными играми и проделками.

****

В школе она училась хорошо. С первого и до одиннадцатого класса она ни разу не приносила домой двойки, она и не знала, что такое быть наказанной за невыученные уроки или плохие оценки. Но и похвалы или поощрений она не видела. Быстро привыкнув к тому, что их дочь – беспроблемная ученица, родители практически перестали обращать на неё

внимание, не проверяли уроки и не запрашивали публичный обзор дневника. Да и пороть её со временем перестали, не было повода, разве что, за потерянные ключи от квартиры. Она жила сама по себе. Приходила из школы, находила в холодильнике суп с разварившимися макаронами и синюшной картошкой, придирчиво нюхала его, иногда разогревала на плите, и тогда макароны ещё больше разваривались практически до состояния неопознаваемых ошмётков теста, а чаще выливала его в унитаз, тщательно смывая прилипшие к фаянсу макаронины и укроп. Родителям говорили в летнем лагере, что она одна из самых худых детей и ей нужно набирать вес, в ответ они жаловались, что дочь, кроме конфет, практически ничего не ест и с детства выбрасывает еду или отказывается. Ну да, попробуй не выброси, если тебя с детского сада пичкают либо манной кашей с комками, либо холодным какао с жирной, прилипающей к губам пенкой, либо молочными супами с лапшой. Родители хватали её за тонкие запястья с белой кожей и проступающими под ней синими венами и заставляли на них смотреть, называли синюшной, смеялись, что её когда-нибудь снесёт ветром. А она копила все карманные деньги и от голода её спасали появившиеся на улицах города в начале девяностых железные киоски, набитых всякими снеками. Она покупала дешёвые шоколадки с неведомым орехом – фундуком, который почему-то был намного вкуснее обычной огородной лещины, или приторно-сладкие, заполненные пенистой тягучей начинкой батон-

чики «Натс».

Эти ларьки, которые появлялись, как грибы после обильного дождя, и которыми заправляли неведомые до того момента и неизвестно откуда появившиеся коммерсанты, были настоящим символом того времени. В витринах под стеклом выкладывали странный и совсем нелогичный набор товаров, в основном это был самый вкусный на свете, но безумно дорогой шоколад Schogetten, жвачки со вкладышами, которые коллекционировали всем двором и использовали в качестве нелегальной валюты, чипсы, леденцы и жевательные конфеты в тубах, пластиковые игрушки, сигареты, презервативы в маленьких коробочках с нарисованными довольными гусарами, ручки Bic, брелки с логотипами дорогих и недоступных иномарок, наклейки на тетрадки, щедро обсыпанные блёстками, игральные карты с напечатанными на них раздетыми дамами вместо привычных королей и валетов и прочая мелочь. Ассортимент был примерно одинаковый, киоски стояли в ряд на главной улице и привлекали внимание и детей, и взрослых.

В Москве в таких ларьках продавали видео- и аудиокассеты, капроновые колготки, украшения из дешёвого, быстро чернеющего на коже металла под серебро, а также матрёшек в виде Клинтона, Ельцина, Сталина и прочих популярных политиков, нарисованных будто рукой карикатуриста. В Москву они приезжали не чаще одного раза в год, проездом к бабушке на Урал. Поезд из их города прибывал рано утром,

а состав на Урал под смешным названием «Москва-Караганда» уходил после обеда, и у них оставалось примерно восемь часов на прогулки по Москве. По музеям в те времена никто не ходил, да и музеи представляли из себя печальное зрелище – неуютные, холодные, скучные, с запылёнными экспонатами и скрипучими полами, пахнущие прелой бумагой. В те времена никому не было дела до искусства; туристов, сегодня праздно прогуливающихся по Красной площади и сидящих в летних кафе на бульварах, Москва начала девяностых не привлекала, а сами площади и бульвары были больше похожи на бетонные пустыри, поросшие полевой травой, с разбитыми обесточенными фонтанами в центре, облюбованные голодными голубями и многочисленными бомжами.

Все приезжали в Москву за покупками, только здесь возможно было найти хоть какую-то более-менее дешёвую фабричную одежду и обувь в универмаге «Москва», Гуме или Цуме, а в гастрономе на Лубянке можно было приобрести по связке бананов в одни руки и несколько колец краковской колбасы. А ещё в Москве можно было купить невиданную роскошь того времени – «Пепси-Колу». После «шоппинга» они обычно отправлялись на вокзал, садились в поезд и старались довести все московские покупки до бабушки в целостности, а бутылку «Пепси» обычно открывали уже отъехав от Казанского вокзала. Она никогда не любила сладкие газировки и квас, но их обожал отец, пил с удовольствием и причмокивал от наслаждения, постоянно спрашивая, вкусно ли

ей. Она знала, что перечить ему нельзя, правда может нанести практически смертельную обиду, поэтому всегда приходилось делать вид, что она способна получить такое же удовольствие от напитка, как и он, хотя любая газировка больно щипала нос, от кислоты начинали скрипеть зубы, а в горле першило от невыносимой сладости. Но у импортной «Пепси» был свой, ни на что не похожий вкус жжёной карамели, такой заграничный и желанный, поэтому она растягивала удовольствие: сначала ждала, пока выветрится весь газ, потом пила маленькими глотками, морщась от почёсываний в горле, но это было чертовски вкусно. Напиток растягивался на всю долгую дорогу до пересадочной станции. Но однажды что-то пошло не так.

Они ехали к бабушке вдвоём с отцом. Наверное, это был тот раз, когда её выпороли хлыстом за грязные гольфы и тапочки. В Москве они, как обычно, доехали до Казанского вокзала, оставили вещи в камере хранения, располагавшейся в отвратительном, пахнувшем мочой и затхлой плесенью подвале, и поехали гулять в центр. Проходя мимо Гума, они заметили выставленных в витринах невиданных ранее роботов. Собранные из маленьких пластмассовых кирпичиков, фигурки напоминали героев компьютерных игр, их силуэты были такими же рубленными, но между пластиковыми деталями не было ни миллиметра зазора. Отец заинтересовался новыми игрушками и пообещал зайти и купить ей одну, маленькую, но когда они заметили ценник около одной из фи-

гурок, он стремительно зашагал дальше, не заходя в универмаг. Она никогда не видела таких цен на игрушки, и это была сумма в у.е.. Где-то в центре, на площади около метро, они съели у палатки по чебуреку и отправились в знакомый гастроном. Через некоторое время они, счастливые обладатели пары килограммов сырокопчёной колбасы и двух бутылочек «Пепси», продолжили прогулки по Москве.

Они были где-то в районе метро «Баррикадная», когда ей нестерпимо захотелось в туалет. Позыв был очень резким, и она почувствовала, что, как обычно, отложить до приезда к бабушке, скорее всего, не получится, но нужно было пытаться. Сдерживаясь изо всех сил, они дошли до её любимой высотки, цепляющей острыми шпильями низкие облака, когда она почувствовала, что её тело больше не подчиняется ей и сдержать очередной спазм, прокатывающийся электрическим разрядом, она не сможет. Расслабившись, она ощутила, как по ногам потекло что-то горячее и густое, а разум тут же накрыло стыдливое потрясение. Она помнила, как через несколько минут слёзы заливали её лицо и капали с острых скул на красивое платье, а по ногам уже струилась тёплая, липкая, коричневая жидкость со сладковатым запахом. Это отец мыл её «Пепси» из стеклянных бутылочек. Ей было жалко всего – жалко отца, потому что тот оказался в Москве с обкаканной девочкой и мыл её в центре прекрасного большого города на глазах у прохожих, жалко себя, потому что теперь она пойдёт на поезд без трусиков с липкими ногами,

но больше всего ей было жалко «Пепси», от которой остались только две пустые стеклянные бутылочки с сине-красными этикетками.

Глава 7

Где-то с младшей школы она сдружилась с девочкой Вале́й. Валя училась средне, не славилась прилежным поведением, но была очень активной, деловитой и боевой. Её всегда притягивали полные противоположности, поэтому к бойкой Вальке она тянулась, как мотылёк к садовому фонарю. Валя с семьёй жила в семейных общежитиях рядом со школой, называемых в народе «семейки». Три типовых здания стояли вдоль улицы Кирова, за ними начинался небольшой лесок с оврагом, разделявший два микрорайона. Лесок этот славился происходившими там под покровом ночи криминальными делами, а все три общежития в целом имели славу неблагоприятных мест. Дворовые мальчишки рассказывали много пугающих баек про этот овражек, она не знала, можно ли было им верить, но каждый раз, когда они ходили классом с учителем ОБЖ в краткосрочные походы в этот лес, где их учили ставить палатки и разжигать костёр, она пыталась найти в кустах и в укромных уголках свидетельства страшных историй. Говорили, что местный ненормальный собирал компанию из четырёх-пяти мальчиков, уводил их днём в лес, расстёгивал ширинку, показывая свой инструмент, молча «дрочил», а потом предлагал его потрогать, даже поцеловать там. Один из малышей был братом местного ученика техникума, Духа, страшного парня, бывшего второгодни-

ка, чьим именем были исписаны все стены в Валькином общежитии. Дух, узнав, что извращенец делает в лесу с малышами, повесил его на дереве и сжёг заживо. Валя не могла подтвердить эту историю – она была у бабушки в деревне на Украине, а доказательств в виде обожжённой верёвки на дереве так никто и не нашёл.

Люди, живущие в общежитиях, в основном простые ребята с заводов, годами ждущие бесплатных квартир, к середине девяностых так их и не дождались, поэтому продолжали жить в своих не знавших никакого ремонта помещениях, надеясь подкопить денег, продать свою комнату и купить что-то получше. Внутри это были типовые шараги коридорного типа с одной общей кухней на этаж, из которой вечно тянуло подгоревшим луком и сбежавшим молоком, катающимися на разбитых трёхколёсных велосипедах по длинному прокуренному коридору маленькими детьми, пьяной руганью за закрытыми дверями, уходивших в обе стороны отсеков на две комнаты и ванну с туалетом. Она приходила к Вале часто. Ей нравилось это место, в нём было столько безысходности и неприкрытой бедности, но в то же время какая-то порочность висела в воздухе, переплетаясь с табачным дымом, ей казалась, что за каждой из закрытых дверей творится что-то запрещённое и очень грязное. Он этих мыслей по заливке пробегал холодок, поднимающий даже самые тоненькие волоски на её теле, и она поёживалась, как от холода. Так, гонимые любопытством и желанием прикос-

нуться к низам человеческого общества, бывалые путешественники заезжают пощекотать нервы в самые ужасные трущобы Кении, Индии или Бангладеш, чтобы посмотреть на «настоящую», по их мнению, жизнь без прикрас.

Здесь тоже была настоящая жизнь. Валя с родителями и младшей сестрой ютились в маленькой комнате, где стоял старый лакированный шкаф, два дивана, холодильник, телевизор и стол. Из-за холодильника то и дело выглядывали усатые тараканы и лениво ползли по стене по своим очень важным делам. Валя на них не обращала внимания и периодически равнодушно давила, увидев ужас в её глазах. Всю жизнь она боялась тараканов до панического ужаса, не могла даже убить их, настолько омерзительны ей были эти насекомые, однако здесь, в двадцатиметровой комнате, под Валиной защитой она чувствовала себя спокойно. Они делали уроки после школы, ходили в гости к Валиным друзьям, живущим в этом же или соседнем общежитии. Валин папа работал по сменам, иногда они заставляли его дома, он смотрел телевизор и курил сигареты одну за одной, отчего вся комната и всё предметы, находившиеся в ней, навсегда впитывали запах табачного дыма. Валины вещи всегда пахли табаком, её учебники пахли табаком, её ручки и пенал, танина одежда и волосы, казалось Валя сама курила как паровоз. После посещения общежитий её вещи также ненадолго приобретали запах табака, но он со временем улетучивался. Её родители, никогда не курившие, сразу же чувствовали, у кого она бы-

ла в гостях, ругали её и запрещали приводить Валю к ним домой.

Валя с родителями до конца школы так и ютились в одной комнате в общежитии. Неудивительно, что сразу после выпускного Валя вышла замуж и уехала к мужу в соседний районный центр, и они навсегда потеряли связь. Хотя ещё в школе, где-то после седьмого класса они практически перестали общаться, когда у неё появились новые подруги.

****

У неё с раннего детства было мало подруг девочек. С ними было не так весело и увлекательно бегать по всем этажам трёх четырнадцатизэтажек, они нередко болели и постоянно хватались за живот или правый бок при любом движении, они плели интриги, сплетничали и шушукались за спиной, а мальчики – они были искренни, бесстрашны, изобретательны и бесхитростны. Девочки быстро выросли и в какое-то время их начали интересовать одежда, косметика, новый цвет волос, дискотеки и взрослые мальчики из старших классов. Мальчишкам ровесникам это было неинтересно, они продолжали оставаться детьми и увлечённо играть. Они не боялись падать, прыгать с высоты, залезать на чердак или спускаться в пыльные подвалы. Получив ссадины или царапины, они, не обращая внимания на кровь и боль, вставали и бежали дальше. И даже она, сломав как-то ногу, пережив пару болезненных ночей, на третий день скакала с ними, разрабатывая план пленения вражеской команды и при-

думывая новый пароль вместо известного неприятелям «На горшке сидел король!».

В школе она очень долго дружила только с мальчиками. Отъявленные хулиганы и двоечники, прогульщики и второгодники, они сидели на одном ряду, около окна, она за второй партой с Васей Барановым, Валя за первой с Серёжей, из-за прогрессирующей близорукости обоих, а четвёрка двоечников сзади. Мальчишки не хотели учиться, они были далеко не глупы, им было сложно концентрироваться на скучных предметах, зато с ними было весело. Они постоянно шутили, взрывались громким хохотом, придумывали и писали оскорбительные письма второму и третьему ряду, на переменках они вместе болтались в коридоре, а после школы катались с горки на плотных кусках линолеума. Надо отдать должное, отъявленные двоечники и хулиганы не были лишены чувства собственного достоинства и поэтому никогда у неё не списывали, честно признаваясь в невыученных уроках и получая заслуженные двойки. Иногда она помогала Васе по собственному желанию, и тот благодарно брал на себя тяжёлую работу, когда они дежурили после школы и мыли класс, он поднимал все стулья на парты, носил вёдра с водой и закрывал высокие окна.

Однажды классная вызвала маму в школу. Причина была никому не понятна, так как она продолжала исправно учиться на одни пятёрки, участвовала в городских олимпиадах по нескольким предметам одновременно и из года в год при-

носила школе первые места по литературе, русскому языку и географии. Они сидели в холодной классной комнате, по стеклам стекали струйки воды, по окнам трепетали в темноте чёрные голые мокрые ветки, была ранняя весна, зябкая и неудобная. Классная куталась в пуховый платок, накинута на плечи, её пухлые губы были неаккуратно покрашены жирным слоем тёмной помады. Она не любила её, не смотрела на неё, и вообще не понимала, в чём она провинилась перед этой женщиной. Классная наклонилась к маме и заявила с истерическим надрывом: «Ваша дочь заженихалась. Она общается только с мальчиками!». «Чтооооо!» – чуть не вырвалось у неё. Но слово «заженихалась» было таким глупым и нелепым. Она чуть не брызнула от смеха прямо в перекошенное лицо классной. Какие женихи! Васька, Лёха, Саша – её женихи? Они, двоечники, прогульщики, второгодники и курильщики, никак не похожи на сказочных принцев, и, скорее всего, эти малолетние хулиганы с пьющими отцами и усталыми матерями окажутся уголовниками, но никак не её женихами. Она ожидала такой же реакции от мамы. Мама должна была рассмеяться в лицо классной и сказать: «Да пошли вы. Она учится, приносит вам первые места, занимается спортом, не красится и ходит в школу в колготках с начёсом! Не ваше дело, с кем она дружит!»

Но чудеса не случилось, мама тихо ответила: «Понятно», и дальше разговор уже перетёк во взрослую стратегию разлуки друзей. Этого она не ожидала. Родителям никогда не

было особо интересно, чем она занималась и с кем гуляла, главное, чтобы она не курила, не пила, приходила вовремя домой, мыла пол и делала уроки. Они не вмешивались в её жизнь, она не лезла в их, а здесь такое, предательство, они сговорились с классной и теперь некому встать на её защиту. По дороге домой мама сказала, что ей не нужно, чтобы её малолетняя дочь «принесла в подоле», поэтому с дружбой надо завязывать, и хорошо, что со следующего года их поделят на 3 класса – гуманитарный, физико-математический и простой, и, скорее всего, все мальчишки перейдут в третий, а оттуда отправятся напрямую в ПТУ и техникумы после девятого класса, куда им и дорога. Она так и не поняла тогда, кого и как она могла бы принести в подоле, но к концу учебного года их действительно расформировали, она перешла в гуманитарный класс, мальчишки ушли в обычный, и они уже не виделись никогда после девятого.

****

Дружба с мальчиками заканчивается, когда у тебя вырастают сиськи. Сначала родители и все заинтересованные лица препятствуют вашей дружбе, ожидая и прогнозируя начало каких-то эротических отношений. Общаться с мальчиками отныне можно только на виду у взрослых. Затем, повзрослев и освободившись от опеки, ты принимаешь следующую попытку наладить утраченные в детстве связи и начинаешь дружить с мальчиками в институте. К сожалению, со временем те начинают романтические отношения с одно-

курсницами, и уже они, окружённые толпой подруг-амазонок, недвусмысленно намекают, что всё, дружбе конец. Пытаясь построить дружбу с ещё свободными юнцами, ты рано или поздно оказываешься вовлечённой в ненужные романтические отношения и нелепые ухаживания, а когда у тебя появляется постоянный партнёр или муж, то любым отношениям с посторонними мужчинами приходит конец. Возможно, поблажки сделают очень некрасивым и неуверенным в себе гикам, с которыми ты обсуждаешь проект по работе и оказывается, что он ещё и интересный собеседник, носящий в своей голове половину википедии. И, естественно, тебе позволят дружить с геем хотя и с долей сомнения – а не натурал ли он часом?

Как и когда мы разрушаем нашу дружбу с мальчишками? Неужели во всём виноваты наши родители, опасаящиеся набитых младенцами подолов в наши тринадцать-пятнадцать лет, а затем умоляющие хоть об одном внучке в наши тридцать, рушат нашу дружбу, разводя нас в детстве по разным гендерным лагерям. Или это классные с плохо покрашенными губами, неспособные различить искреннюю детскую дружбу и эротические отношения. Или это мы, перейдя пороги полового созревания, не можем уже не думать о наших гениталиях. Когда она встречала действительно интересного мужчину, ей просто хотелось дружить с ним, обсуждать тренеров в спортзале, делиться вкусными рецептами приготовления авокадо или тайского карри, ходить в галереи

современного искусства, смотреть артхаусные фильмы, делиться воспоминаниями из путешествий и просто смеяться над событиями вокруг, но она всегда прекрасно понимала, чем может закончиться такая дружба. И вот так, выйдя замуж или вступив в серьёзные отношения, нам больше недоступно удовольствие дружбы с противоположным полом. Индουλгенция выдаётся только друзьям-геям после тщательной проверки биографии или же его же друзьям в общей компании, которые подчас оказываются унылыми молчунами, скучными занудами или просто неприятными типами.

Глава 8

На море был полный штиль. Ветра не было и на суше. Ноябрьское солнце ласково пригревало, чайки лениво дремали на воде, в одной из лодок, откинувшись на пластиковый борт, наслаждался последними тёплыми осенними лучами то ли рыбак, то ли матрос. Казалось, все впали в ленивую сиесту. В звенящей осенней тишине не возникало ни звука, ни резкого движения. Только муравьи, бесшумные трудяги, стройным ручейком передвигались по пирсу, огибая ножки её скамейки. Она всматривалась в муравьиный ручей, изда- лека он казался полноводным и нерушимым, вблизи мож- но было заметить выбивающихся и спешащих в обратную сторону навстречу течению индивидуалов. Некоторые му- равьишки, идущие в потоке, застывали на несколько секунд, как бы крутились на месте, затем снова вливались в поток и продолжали свою неведомую миграцию. Она вспомнила, что где-то читала, как муравьям удаётся слаженно общаться друг с другом при смене места обитания – они ориентиру- ются на идущих по бокам соседей и продолжают двигаться, пока видят в поле зрения чёрное тельце бегущего рядом. Как же тогда эти, идущие реверсом навстречу потоку, сбиваются с пути, и какая у них цель.

****

В детстве она очень сильно хотела домашнее животное,

но родители были категорически против. В детском саду она придумывала себе домашних питомцев, в основном, умных и ласковых собак, рассказывала про них истории другим детям и даже воспитателям. Подвигами была так вдохновлена одна из воспитательниц, Нина Петровна, что поинтересовалась у забирающих её поздним вечером, родителей, как поживает эта удивительная собака. Мама сдала её с потрохами, честно ответив, что никакой собаки у них нет и не было, и все рассказы – это всего лишь буйная фантазия их неуёмной дочери. Эх мама, мама, почему ты не записала эти рассказы и дала в ней умереть начинающему писателю. Дома, естественно, за такое наглое враньё её хорошенько наказали неустояющим отцовским ремнём.

В младших классах на выходные она приносила домой клетки с хомячками или морскими свинками. Они были мягкие, милые и неприхотливые пушистики, но абсолютно не отвечающие ни преданностью, ни узнаванием, ни каким-то подобием любви к человеку. А однажды на даче они нашли живого ежа. Ей предложили взять его домой на пару дней и затем принести обратно в следующий раз. С огромным возбуждением она всю дорогу обсуждала, чем его кормить дома, как обустроить домик в большой картонной коробке, и представляла, как она станет первой во дворе девочкой с ручным ежом.

Дома она оборудовала ёжику картонную коробку с мягкой подстилкой, налила в пластиковую крышку отстоявшей-

ся воды, а в другую положила дольку яблока и варёный картофель из борща. Всю ночь ёж скрёбся и шуршал в коробке, мешая им спать, его вынесли в коридор, за закрытую дверь комнаты, а утром она нашла его бездыханное мягкое тельце на дне коробки. Ёжика они похоронили за пятиэтажкой в жирной податливой после дождя чёрной земле.

Она очень долго выпрашивала у родителей собаку, придумывала ей имена, и рассказывала дворовым подружкам о появившемся в доме питомце, и тогда мама, сжалившись над ней, принесла домой маленького котёнка. Котёнок был расстрёпанный, пугливый, жался по углам и постоянно писал под диваном. В первый же день она, вернувшись из школы, покормила его своим супом, убрала за ним и, оставив его одного дома, ушла на хор. Вернувшись, она обнаружила, что котёнку удалось открыть дверь в жилую комнату, и, видимо, его маленький желудок не смог переварить странную еду, и по поверхности ковра он оставил несколько коричневых кучек. За несколько минут до её прихода, домой зашёл отец, увидев всё это, он небрежно схватил котёнка за шкурку, накинул пальто и вышел за дверь. Она выскочила за ним, со слезами, немедленно выступившими на глазах, она висела на его руке и умоляла не выбрасывать котёнка на мороз: «Папа, папочка, ну пожалуйста, я всё исправлю! Не выбрасывай его! Он же замёрзнет!». Но отец был глух: «Ты не можешь даже за ним убрать. Сначала научишься убираться, потом проси собак или кошку».

Спорить с ним было бесполезно. Она вернулась домой и со слезами, застилающими глаза до жгучей рези, всхлипывая до икоты, оттирала ковёр от кошачьих какашек. Вернувшись с работы и задержавшаяся в магазине мама только пожалела плечами. «Мама, ну почему ты пошла в магазин именно сегодня» – с горечью бросила она ей в спину.

А однажды всё-таки это случилось, и у них дома появился маленький щенок. Они ходили по старому рынку и заметили миленького щенка терьера в большой клетке. Это был двухмесячный эрдельтерьер, в которого они с отцом влюбились с первого взгляда, и уже той же ночью малыш поскуливал в коридоре, не в состоянии уснуть без маминого тепла. Эрдель оказался очень глупым и совершенно не приспособленным к дрессировкам. За полгода он так и не научился давать лапу, бегать за палкой, гулять рядом с хозяевами, тем более без поводка, зато она научилась начисто перемывать руками полы, стоя на коленках.

Он очень любил гулять, таскал её по всем пустырям и полянам за окрестными домами, преследовал любую собачонку, а дома не переставая скулил и поскрёбывал входную дверь. Всю зиму и весну она покупала в ветеринарной аптеке «Контрасекс» и пыталась успокоить его в особо острые периоды, когда он дома не переставая висел на её ноге, тыкаясь в колено мокрым животом, а на улице постоянно срывался с поводка, убегая за бродячими собаками. Но лекарство мало помогало. И ранней весной он оборвал поводок и убежал,

больше никогда не возвращаясь домой. Соседи и знакомые собачники рассказывали, что видели его то там, то тут, хотели даже его поймать, но ловко уворачивался. Она искала его две недели, обходя по кругу одни и те же пустыри, застревая в грязи растаявших просёлочных дорог, постоянно посматривала в окно, но он так и не появился. А потом она его просто отпустила, не проронив ни слезинки.

Глава 9

По пятницам на крохотную парковку перед пирсом приехал деревенский пикап с мешками овощей. Из старого, поржавевшего в нескольких местах, кузова мужчина и его две пожилые помощницы доставали сетки с разнокалиберными перцами, ящики с помидорами, огурцами, яблоками и айвой, пакеты с зеленью и цветной капустой. Примерно полтора часа они готовили прилавок к продаже и выкладывали свой товар, параллельно обслуживая редких покупателей, и только к обеду можно было увидеть работающий в полную силу рынок.

Ей всегда казалось, что, когда они переедут в деревню, они волются в жизнь местных жителей, будут рано вставать и также рано ложиться, а все магазинчики и лавки будут открываться в семь утра и закрываться ещё до ужина. В действительности, наоборот, практически все супермаркеты начинали работать не раньше девяти, также как и почта, банки, аптеки, логистические компании и прочие важные заведения, которые человеку, работающему по офисному графику, не представлялось возможности посетить. Когда она отвозила мужа на причал около восьми утра, редкая булочная открывала свои тёплые витрины. Поговаривали, что на набережной работает кооператив, где рыбаки продают с семи до девяти свежельовленный ночной улов, но ей слабо ве-

рилось в существование такого графика.

Местные жители отличались весёлым нравом. Простые деревенские фермеры и работяги, они медленно выезжали на шоссе на своих тракторах, переезжая с поля на поле, мешая быстрым немецким иномаркам мчать по своим, *очень важным*, делам; иногда они забивались всей семьёй по пять-семь человек в свои нехитрые автомобили, в основном фургончики с отъезжающими по рейлам задними дверьми, и выезжали на пикник или в ближайший супермаркет. В магазине черноглазые дети набирали шоколадные батончики и сладкую газировку и весело неслись на кассу. Место для пикников они выбирали без особых претензий, могли присесть прямо на обочине горной дороги, не тратя времени на выбор самого привлекательного вида, или на неухоженном диком пляже, лишённом какой-либо инфраструктуры, кроме уродливого мусорного бака.

Говорили они на своём смешном местном диалекте, как будто тарабанили языком вылетающие из горла слова и постоянно улыбались. Женщины здесь нередко одевались в национальные костюмы предков кочевников, впрочем, давно осевших в спускающихся к морю долинах, растеряв своих верблюдов и пёстрые стада молочных коз, – яркие, пошитые из блестящей ткани или гипюра платья, атласные контрастного цвета невероятно широкие шаровары, иногда они напоминали её живое воплощение матери-богини, символа фертильности и плодородия, из находок бронзового века –

широкие бедра и большие, лежащие на животе, груди. Голову местных красавиц украшал замысловатый головной убор, похожий на два перекрученных платка, один из которых декорировали тесьмой и рядом золотых монет, сверху нередко крепили букетик из цветов. Все эти сложные украшения имели практический смысл: монеты несли информацию о семейном статусе женщины и продолжительности её брака, а цветы заменяли парфюм, так как местное оливковое мыло практически не имеет никакого запаха, то для придания образу ароматической составляющей каждый день крутили мини-букетики из душистых полевых цветов и листьев лимона. Мужчины же обычно держали себя в рамках светского дресс-кода приличного деревенского жителя – простые серые брюки и светлая рубашка. А на непрекращающемся хороводе осенних свадеб, сопровождаемом громким боем барабанов и гудением дудок, они танцевали медитативный и вдумчивый мужской танец зейбек.

****

Сколько она себя помнила, дача или огород были обязательными хобби родителей, которое он со всех сил старались привить детям. И если наличие дачи и трёх огородов, под завязку засеянных картошкой и бесплодными подсолнухами по периметру, как-то оправдывало себя в голодные девяностые, то зачем там горбатиться сейчас, она искренне не понимала и не поддерживала их энтузиазм.

А горбатились они там знатно. И ей пытались с детства

привить «любовь к труду». Худенькую беленькую девочку с просвечивающими под кожей голубыми венками, которой намного интереснее было закончить очередную книгу для внеклассного чтения или уйти на всю субботу в читальный зал городской библиотеку, тащили на дачу. Ей всё там было противно и навевало ужас – пыльный домик, где из-под каждого шкафа и ножки кресла выглядывали пауки и жуки, старые резиновые сапоги, для работы в жирной и влажной земле, в тёмных голенищах которых её поджидала пугающая неизвестность – там мог сидеть какой-то таракан или двухвостка, стройные ряды бесконечных грядок, которые ей приходилось полоть, пока поясницу не сковывало онемение и она не могла разогнуться несколько секунд, так и стояла в полусогнутом положении, хватая ртом воздух.

Она с раннего детства боялась насекомых, до дрожи и ступора, не могла убить даже обычного таракана тапком, ей казалось, что он выживет или она промахнётся, и он переползёт с подошвы на её руку. Любые дачные задания сопровождались встречей с отвратительными тварями: попросят прополоть грядки или что-то посадить – обязательно подкрадётся краснобокий кровосос и прыгнет на одежду, пойдёт она в малинник или смородинник собирать ягоды – напорется на стаю вонючих клопов, сидящих на сладких плодах малины или отвратительных длинноногих садовых пауков, опутывающих гроздья смородины в белые коконы, если она останется убираться в домике, то рано или поздно из-под пыльной

рабочей обуви или садового инвентаря выберется огромный жук или мерзкая медведка. Родители только покрикивали, что она «отлынивает от работы» и ей бы всё лежать на диване с книжечкой: «А зимой что ты будешь есть?» «Ну, уж явно не эту вашу бесконечную картошку» – крутился в её голове злобный ответ. Действительно, ей было непонятно, почему нельзя съесть вкусную душистую клубнику или сладкую малину летом, зачем нужно засыпать килограммами сахара и долго варить, превращая ягоды в сладкий сироп, который она не могла есть – от варенья и мёда у неё начинало першить горло, от солёных огурцов и помидоров хотелось много-много пить, а варёной картошки она переела на всю жизнь вперёд.

Работы на даче начинались ранней весной, как только сошёл снег, и заканчивались в середине осени, когда они собирали последний кислый виноград на домашнее вино, убирали всю пожелтевшую зелень и выбрасывали в ближайший овраг. Примерно до пяти лет её практически не нагружали тяжёлой работой. На даче она в основном играла с соседскими детьми в куче песка, они строили там замки для её кукол, гаражи для их машинок, закапывали секретики и помещали их под деревьями, а иногда она сидела в домике и читала подшивку «Весёлых картинок» и карикатуры в журналах «Человек и закон», которые родители свозили на дачу для растопки костра. Но когда ей исполнилось пять лет, мама родила брата и её поставили перед фактом – у тебя есть

маленький брат, которого ты «так хотела», значит, теперь ты стала взрослой и будешь работать и вести себя, как взрослая. И тем летом её детская беззаботная дачная жизнь закончилась. Родители взяли в довесок к даче два огорода недалеко от горнодобывающего завода, под картошку, и тем летом они приняли решение, что пятилетняя девочка поможет засадить и собрать их. Сажать картошку относительно легко – кто-то старший на предварительно вспаханном трактором поле шёл и выкапывал лунки, а она следовала за ним, таща за собой тяжёлое ведро, полное мелкого картофеля, и кидала в лунку по картошке. При этом внимательный отец постоянно на неё покрикивал и заставлял перекладывать картошку: «Зачем кидаешь, отобьёшь все ростки, не видишь, что ли! Аккуратно клади, не швыряй! Ложи ровно в центр! Поправь там!» Когда ряд заканчивался, он шёл обратно, выкапывая новые ямки и забрасывая землю на лунки из предыдущего ряда, в которых лежала картофелина. Если она не успевала добежать к мешку с картошкой, насыпать новой в ведро и вернуться, оставляя его перед пустой лункой из предыдущего ряда, то он громко сетовал: «Что так медленно! Ленивая какая! Быстрее работай!» Бегать по распаханной земле в негнущихся резиновых сапогах, таща за собой неподъёмное ведро, было тяжело, и к обеду у неё уже не работала голова – она кидала по 2 картошки в лунку или забывала докинуть, вообще, или тащила ведро с картошкой медленно, получая за каждый промах порцию тумаков от отца. Так, за два дня,

они засадили два огорода. Под конец второго дня она была самым счастливым ребёнком на свете.

Но сажать картошку проще чем копать. Когда выкапываешь, нужно наклоняться к каждой лунке, и тщательно высвобождать каждую картофелину от опутавших корней с комьями земли, а под каждым кустом их может быть от трёх до семи. Отец шёл впереди вдоль ряда и выкапывал кусты, отбрасывая их на предыдущий ряд, она шла за ним, таща два ведра, и присаживалась или наклонялась над каждым кустом, выбирая из земли хороший картофель. В процессе нужно было подвергнуть картошку быстрому отбору – мелкую, на семена, в одно ведро, крупную, на еду или продажу, во второе. По мере наполнения, нужно было оттаскивать ведра в сторону и вываливать картошку в две разные кучки. Вёдра наполнялись достаточно быстро, поэтому приходилось постоянно таскать их туда-сюда. Отец был недоволен, он успевал выкапывать ряд, а она – пройти только треть, он втыкал лопату в землю и возвращался к ней помогать собирать картошку, приговаривая: «Что так копаешься! Смотри, как я быстро! Зачем кидаешь в ведро? Нежнее, отобьёшь, сгниёт!» Когда она жаловалась на усталость или голод, он пытался её успокоить, приговаривая, как вкусно им будет есть картошку, свою, «вкусненькую», всю зиму. Ох, знал бы он, как она ненавидела всю зиму эту картошку, как она каждый раз, видя её на тарелке, вспоминала тот жаркий день конца августа, когда у неё нереально болела спина и она не могла разо-

гнуть её после целого дня работы. Когда под вечер поле заканчивалось, надо было бы радоваться и кричать «Ура!», как велел отец, она не могла. Она знала, что сейчас они пойдут к кучкам выкопанной картошки, начнут собирать её снова в вёдра и засыпать в пыльные холщовые мешки, затем подвизывать их, перекладывать в трактор, отвозить в гараж и только потом, поздно вечером, покрытая пылью с ног до головы, с пересохшими негнушимися пальцами рук и болью в спине, она встанет под тёплый душ в женской раздевалке на работе отца, помоеся хозяйственным мылом, укутается в белое вафельное полотенце и по дороге к мамину шкафчику столкнётся с тучной белесой женщиной, работницей комбината, направляющейся голышом в душ, и в её памяти от этого дня отпечатается ещё одно неприятное воспоминание.

На даче тем летом ей также пришлось поработать, в основном, в начале сезона, когда мама была на девятом месяце беременности и не могла поднимать тяжести. Отец заставлял её носить вёдра с чернозёмом и навозом, привезённым им на тракторе и вываленном около входа. Однажды она переносила столько вёдер, что в какой-то момент услышала треск в спине и увидела белые вспышки в глазах, на секунду ей показалось, что у неё в организме сломалось что-то очень важное. Но окрик: «Что филонишь? Неси навоз!» – вернул её к жизни.

Глава 10

Пирс пригревало низкое ноябрьское солнце. Точнее, пирс жарило низкое ноябрьское солнце. Она шла после часовой прогулки домой и перед последним подъёмом в горку решила зайти поздороваться с морем. Припекало так, что, закрыв глаза, можно было представить себя летом в центральной России на берегу популярного речного курорта. Она сняла солнечные очки, подтянула длинную юбку, обнажив голени солнцу, зажмурила глаза и сидела минут двадцать, запрокинув голову.

Её отвлек всплеск воды под ногами. В прозрачной чистой воде копошилось несколько десятков различных рыб. Маленькие упругие сардины стайками переплывали от камня к камню в поисках еды, виляя своими блестящими хвостиками, три длинные серые рыбины тыкались носами в утопленный канат, шевеля волнистыми плавниками, какие-то плоские рыбёшки парочками носились между стаями сардин, меняя направление каждые десять секунд. Несколько минут она наблюдала за подводными интригами, отмечая про себя, что к лету нужно не забыть купить маску, чтобы рассмотреть это жизнь получше, когда тишину разрезал резкий крик имама из соседней мечети. Это был дневной эзан, и она снова пожалела, что дедушка-имам с прекрасным умиротворяющим голосом, похожим на песнопения в буддийских хра-

мах, так и не вернулся, а ведь под его эзан, спокойно вливающийся в утренний чуткий сон, было так комфортно просыпаться ещё до восхода солнца.

****

После Вали она подружилась с сёстрами Гаджиевыми. Младшая, Гюнай, пришла учиться в их школу в седьмой класс. Семья переехала из Азербайджана в Россию, оставив на родине большой дом и кучу родственников после очередного межнационального конфликта, которые в то время возникали то тут, то там в условно независимых кавказских республиках. С сёстрами они сошлись на какой-то общей волне любви к учёбе, мальчиковой группе Backstreet Boys и одному мальчику из их, с Гюнай, класса. Садагат, вторая сестра, была старше на один год и училась в восьмом классе, но была сильно привязана к младшей сестрёнке, поэтому всё свободное время они проводили втроём. Если их класс ехал в санаторий, то родители сестёр убеждали классную, что Садагат должна поехать с Гюнай, поэтому на всех фотографиях из тех поездок они стояли вместе, втроём.

Они даже курить попробовали вместе. Когда они с Гюнай заканчивали десятый класс, они решили, что пришла пора попробовать. Сёстры ей сказали, что уже как-то курили в Азербайджане и заверили, что от одной сигареты ничего не произойдёт, она не станет заядлой курильщицей и от неё не будет пахнуть как от Вали, они будут курить сигарету с мятой и зажуют её пихтовыми иголками, поэтому родители

уж точно ничего не почувствуют. Ладно, если уж их строгие азербайджанские родители ничего не почувствовали и их первая сигарета сошла им с рук легко, значит, можно довериться, решила она для себя, и день X настал. После школы они купили в ларьке две тончайшие сигареты Vogue. Выбор был небольшой, мятные тонкие сигареты More и Vogue. Последние, естественно, стоили дороже, но сёстры уверяли, что вкус мягче, и, вообще, «Вог» – это очень элегантно, и уж если что-то пробовать, то именно их, остальные сигареты будут ощущаться на вкус, как вонючий «Честер». Они схоронились во дворах ближайших к школе пятиэтажек, густо поросших высокой травой, где их точно никто не мог узнать, у Садагат, естественно, была заготовлена зажигалка, и она на правах старшей и опытной раскурила первую сигарету. Они втроём по очереди сделали по затяжке, затем пустили снова по кругу, ещё и ещё, пока не докурили. В процессе Садагат объясняла, как нужно держать сигарету, чтобы пальцы не пахли табаком, а ногти не желтели, как выдыхать дым, чтобы волосы не впитывали запах, и как делать смоляные шарики из хвои, которыми можно зажёвывать табачный вкус, чтобы не раскрыться перед родителями.

Странно, но сигарета не была отвратительной на вкус. Да, дым горчил, но ментол сглаживал неприятный вкус. Голова не кружилась и не болела, дым не жёг горло и лёгкие, она не заходила в кашле и у неё не слезились глаза. Садагат показывала, как можно выпускать дым из носа и делать колечки

ртом, они смеялись и шутили, и так выкурили две сигареты, разделили пачку Doublemint и разошлись по домам.

Младшая сестра Гюнай была любимой дочкой в семье Гаджиевых, а Садагат, как и ей, доставались все тумаки от родителей, поэтому она также отлично училась, ездила на городские олимпиады и точно знала, что будет поступать в медицинский. Правда, после окончания одиннадцатого класса она взяла годовой перерыв, активно готовилась к вступительным экзаменам, чтобы поступить вместе с сестрой и быть рядом с ней. Но главным королём в их семье был маленький Орхан. Он рос капризным и плаксивым мальчиком, который постоянно требовал от сестёр каких-то услуг, а если они их не выполняли, незамедлительно жаловался родителям, после чего те наказывали девочек, не разрешая им гулять или позволяя выгуливать только младшего братца в пределах двора. Когда ему исполнилось пять лет, родители сделали ему обрезание по всем мусульманским правилам. Она пришла к ним в гости и увидела заплаканного маленького Орханчика в смешной девчачьей юбке. Ему явно было больно ходить, а тем более бегать, он лежал на кресле в окружении рассыпанных из новогоднего подарочного набора конфет и смотрел телевизор. Ей не было его жалко, наконец-то она почувствовала некую справедливость за Гюнай и Садагат.

Тогда в первый раз она встретилась с новой для неё религией, и ей совершенно не понравилось, что из-за прихо-

ти родителей страдали маленькие дети. В её религии никому ничего не отрезали. Она ходила в воскресную школу в центр досугового творчества школьников, где с девочками и мальчиками разных возрастов они читали короткие рассказы из маленькой детской «Библии» с красивыми цветными иллюстрациями, пели в хоре, готовили своими руками подарки к праздникам для родителей и в конце занятий рассаживались за столом для чаепития. Ей нравились рассказы из маленькой книги, разные люди, живущие в пустынях на экзотическом Синайском полуострове, постоянно совершали плохие поступки, предавали кого-то из близких, воровали или убивали, но их всех старались справедливо и жестоко наказать, чтобы другим неповадно было. Ещё больше её привлекало хоровое пение, поэтому она с удовольствием вставала рано утром каждое воскресенье и, пропустив очередные серии «Дисней», шла на занятия в воскресную школу. Позже родителям кто-то объяснил, что обучение организовала известная протестантская группа, чуть ли не секта, которая не разрешает посещать обычные церкви и молиться на православные иконы. Они немедленно запретили дочери ходить на занятия, перевели в обычный хор, который занимался в местном Доме Культуры, но позволили оставить дома синюю «Библию», которую она продолжала перечитывать уже самостоятельно.

Сёстры оставались её лучшими подругами до конца школы. Садагат была прямолинейная, порой агрессивная и за-

диристая, она была смуглая, небольшого роста, по-мальчишечьи коренастая, с резкой и быстрой походкой. Гюнай, наоборот, мечтательная, меланхоличная, слегка медлительная и плавная, с округлыми женственными бёдрами и нежной белой кожей, она словно была создана быть мягкой семейной кошечкой, домохозяйкой и обходительной женой. У них троих никогда не было парней или ухажёров, хотя Гюнай всегда была тайно влюблена в одного из старшеклассников, а Садагат – в поп-звезду, солиста одного из популярных в те годы американских бойз-бендов, Таркана, Баскова и ещё кого-то. Однажды сёстры рассказали ей, что у них очень строгие семейные правила, они должны будут выйти замуж за мужчин одного с ними вероисповедания и национальности, скорее всего, за сыновей каких-то папиных друзей, живущих в Москве или Питере, другого, увы, не дано. Вот, и практичная Садагат, предпочла не влюбляться в реального мальчика, а Гюнай вздыхала тайно, не позволяя себе никакой романтики, чтобы не опорочить себя перед папой и своим будущим. А что же она – ей просто не были интересны ни одноклассники, ни старшеклассники, ни черноглазый Таркан, она была влюблена в ведущего на радио, у которого была ночная авторская передача, и в течение часа он, таинственным сексуальным голосом, приоткрывал радиоокно в мир иностранного андеграунда.

После последнего звонка они разъехались поступать в университеты, и больше с сёстрами они никогда не виделись.

Она слышала краем уха, что те поступали в медицинский, но так и не узнала в какой, и поступили ли, где жили и за кого вышли замуж. Она не нашла ни единого, ни малейшего следа обоих в социальных сетях и благополучно забыла и отпустила их.

Глава 11

Это был очень тёплый, тихий и солнечный четверг. Здесь, вообще, солнце светило большую часть года. Рельеф был гористый, но равномерный, слишком высоких пиков, осыпающих зимой снегом удивлённых местных жителей, а летом силой сдерживающих грозовые тучи с материка, не было. Лето было продолжительным и сухим примерно сто пятьдесят дней без небесной воды, зима и межсезонье – мягкие и тёплые, солнечные дни сменялись яростными грозами, после которых снова наступали яркие дни, когда с утра море было глубокого пронзительно-синего цвета, а в воздухе пахло прелой листвой и свежими желудями.

Она сидела на скамейке, наслаждаясь солнцем. Все прибрежные кафе уже давно убрали уличную мебель и шезлонги, пляж постепенно зарастал жухлой морской травой, похожей на мелкие обрезки коричневой бумаги после шредера, окружные парковки пустовали, по мощёной дороге изредка проезжали жители окрестных вилл, аккуратно перекатываясь через каменные, выкрашенные жёлтой краской, бамперы, электрики и садовники на рабочих минивэнах и пикапах, наоборот, с грохотом стукали днища о ливневые решётки, не замечая незнакомые неровности. В одном из ближайших кафе, расположенном на небольшой скале, было открыто окно. Проходя по пирсу, она видела мужчину и женщину, си-

дящую у него на коленях лицом к лицу. Периодически женщина заливалась звонким смехом, а мужчина бухал басом в ответ. Она не могла различить ни единого слова, но была уверена, что любовники проходили ту стадию флирта, когда хочется постоянно смешить и щекотать друг друга слегка пошлыми, кажущимися обоим остроумными, шутками.

Минут двадцать она сидела, закрыв глаза, но потом осознала, что нежный женский смех трансформировался в весьма отчётливые и периодические стоны. Она старалась не смотреть в сторону берега, сосредоточившись на двух дремлющих и покачивающихся на прибрежных волнах чайках. Одна из чаек внезапно сорвалась в небо и начала кричать, подзывая дальних товарищей. Крик нарастал, сначала он напоминал причитания плачущего человека, постепенно трансформировался в резкие всхлипы роженицы, заглушая стоны, доносившиеся с берега из распахнутого окна, разносимые эхом по небольшой бухте в холодном и прозрачном воздухе в пронзительно синее осеннее небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.